

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 177–183

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 177–183

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-177-183>, EDN: NLFDDS

Научная статья

УДК 271.2-243.6:811.161.1'38'42

Притча православных старцев как жанр. Специфика лингвокультурного подхода

В. А. Маслова¹✉, А. А. Немыка², В. П. Синячкин³

¹Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33

²Кубанский государственный университет, Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

³Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, mvavit@tut.by, <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

Немыка Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, annemyka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2525-9249>

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, sinyachkin-vp@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-8309>

Аннотация. В настоящей статье представлено исследование жанровой специфики православной притчи, определено ее место в рамках религиозного дискурса, выявлены особенности интегративных корреляций с другими общекультурными и научными дискурсивными парадигмами. Авторами выделены конститутивные черты жанра православной притчи, описаны общие и дифференциальные признаки в сравнении с притчей литературной. Также детально характеризуются особенности притчи как вторичного речевого жанра в религиозном дискурсе, определяется ее значимость в русской лингвокультуре. Сочетание методов дискурсивного, дефиниционного, лексико-семантического, лингвопрагматического и системного анализа позволяет проводить исследование дискурсивного пространства православных притч, базируясь на современных научных и методологических принципах интегративности и междисциплинарности. Основное внимание акцентируется на анализе притч православных старцев как отдельной жанровой разновидности православных притч, их лингвокультурной и аксиологической составляющих. Отмечена необходимость учета лингвистических и экстралингвистических факторов при анализе исследуемой разновидности религиозного дискурса. Синкретичный характер исследования весьма значим в рамках формирования в современной гуманитаристике научной парадигмы, ориентированной на поиск универсальных способов анализа сложных систем и объектов, в том числе лингвистических. В результате проведенного исследования делаются выводы о семантической, этнокультурной и функциональной специфике репрезентации глубинных смыслов в текстах исследуемого жанра, о характере их аллегоричности; выявлены ценностные доминанты текстов притч православных старцев, значимые для системы национальных культурных кодов.

Ключевые слова: лингвокультурный подход, религиозный дискурс, жанр притчи, притчи православных старцев, междисциплинарность

Для цитирования: Маслова В. А., Немыка А. А., Синячкин В. П. Притча православных старцев как жанр. Специфика лингвокультурного подхода // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 177–183. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-177-183>, EDN: NLFDDS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The parable of Orthodox elders as the genre. The specifics of the cultural linguistics approach

V. A. Maslova¹✉, A. A. Nemyka², V. P. Sinyachkin³

¹Vitebsk State University, 33 Moskovsky Ave., Vitebsk 210038, Belarus

²Kuban State University, 149 Stavropol St., Krasnodar 350040, Russia

³RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Valentina A. Maslova, mvavit@tut.by, <https://orcid.org/0000-00012-8717-9231>

Anna A. Nemyka, annemyka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2525-9249>

Vladimir P. Sinyachkin, sinyachkin-vp@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-8309>

Abstract. The article deals with Orthodox genre specifics, establishes its position within the religious discourse, and identifies the characteristics of the integrative correlations with other general cultural and scientific discursive paradigms. The authors have identified the Orthodox parables genre constructive features and described the common and differential characteristics in comparison with literary parables. The characteristics of the parables as a secondary speech genre within religious discourse and defined parable's significance in Russian cultural linguistics have also been detailed. The combination of discursive, definitional, lexical and semantic, linguo-pragmatic, and system-oriented analysis methods enables to study the Orthodox parables discursive area, basing on contemporary scientific and methodological principles of integrative approach and interdisciplinarity. The article primarily focuses on the analysis of the Orthodox elders' parables as a distinct genre of Orthodox parables, along with their cultural linguistic and axiological parables' components. The authors have also noted the necessity to consider linguistic and extralinguistic factors in the analysis of the studied variety of religious discourse. The syncretic nature of the research is highly significant within the framework of establishing a scientific paradigm in contemporary humanities that is oriented towards the search of universal applicable methods of analysis complex systems and objects, including linguistic ones. As a result, the authors draw conclusions regarding the semantic, ethno-cultural, and functional representational specifics of the profound meanings in the Orthodox parables texts, as well as the nature of their allegorical qualities, and identify the value dominants of parables by Orthodox elders' texts, significant for the system of national cultural codes.

Keywords: cultural linguistic approach, religious discourse, parable, the orthodox elders' parables, interdisciplinarity

For citation: Maslova V. A., Nemyka A. A., Sinyachkin V. P. The parable of Orthodox elders as the genre. The specifics of the cultural linguistics approach. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 177–183 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-177-183>, EDN: NLFDD5

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Позднелатинский термин «дискурс» обозначает такую область действительности, в которой взаимодействуют язык, культура и общество. Он исследуется в самых различных ракурсах в разных науках, однако, любая наука исследует уже проявленные в мире факты, при этом она не способна раскрыть первопричины их появления. Отсюда интерес к религиозному дискурсу. Ю. С. Степанов писал о мире и человеке, опираясь на взаимосвязь культуры, языка и религии [1].

Религиозный дискурс – это сумма коммуникативных и речевых практик, целью которых является Богопознание, а также формирование и хранение сакрального миропонимания носителей данной культуры. Здесь происходит единение двух различных традиций мышления – собственно научной и религиозно-богословской.

Именно через язык мы получаем свои знания о мире вообще и знания о Боге в частности. Многие лингвисты считают, что без идеи Бога и модель мира, и модель языка будут неполными. На сегодняшний день

в лингвистике достаточно глубоко разработаны проблемы религиозной картины мира, ряда религиозных концептов (Бог, Спасение, Вера и др.), а также концептуализации человека в православном миропонимании (человек как образ Божий, человек смиренный, человек рефлексивный) [2: 91, 370–443], герменевтики и текстологии сакральных текстов [3] и др.

Сам религиозный дискурс фиксирует и отражает идеальную, божественную реальность и выражает сакральные смыслы миропонимания. Его цель – передача и сохранение сакрального знания у верующих и приобщение новых людей к вере. Религиозный дискурс представлен разными жанрами.

М. М. Бахтин рассматривал жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [4]. В. В. Дементьев вводит в понимание речевого жанра коммуникативные признаки [5: 113]. Таким образом, жанр в понимании современных ученых представляет собой некую форму, имеющую конститутивные, собственные только ей черты.

Основная часть

Конститутивные признаки православной притчи как жанра

Жанр литературной притчи – это набор изменяющихся культурных конвенций, а православная притча универсальна, она хранит общечеловеческие представления о добре и зле. Это, скорее, жанроид (по В. В. Деметьеву). Православная притча как всякий жанр – это устойчивый по структуре и функциям тип текста, у которого есть определенные композиционные, языковые и стилистические характеристики. Литературная притча, как и религиозная, содержит морально-нравственное поучение и имеет пределы своей вариативности и характерный набор языковых средств.

Религиозная коммуникация сложна сама по себе, потому что почти любое высказывание становится событием. А сам жанр – это категория, которая организует эту коммуникацию, задавая конвенциональные способы ее реализации. Выявить эти способы – значит очертить рамки жанра в формальном и содержательном отношении. Вслед за Е. В. Бобыревой в религиозном дискурсе выделяют первичные и вторичные речевые жанры. Первичные – это тексты Священного Писания в целом, молитвы, псалмы, а вторичные представляют собой толкования первичных – проповедь, притчи и т. д., либо тексты, возникшие для спасения души – исповедь и др. [6].

Притча – старославянское слово, означающее – «то, что приткнули» к важному вопросу, требующему не прямого, а индизказательного ответа; ситуации, требующей глубокого осмысления; истории на тему. Проблемы притч занимают философы, теологи, психологи, литературоведы, лингвисты: – В. Н. Базылев [7], Е. Ю. Балашова [8], Л. Е. Берестовская [9], Т. Е. Владимирова [10] и др. В их исследованиях решаются проблемы аллегоричности притч, их места в религиозном дискурсе, но более всего работ по проблеме самого религиозного дискурса, который объединяет в себе не только Священное Писание и Священное Предание, но и вторичные тексты – проповеди, притчи и другие интерпретации и толкования первичных жанров. Следовательно, границы религиозного дискурса выходят за рамки церкви – в литературу (например, литературная притча, либо целые произведения, где есть библейская линия повествования – М. Булгаков «Мастер и Маргарита»), в искусство (кино – «Иуда», экранизация повести Л. Андреева; балет – «Блудный сын» на музыку С. Прокофьева, «Сотворение мира»; живопись – А. Иванов

«Явление Христа народу», К. Брюллов «Распятие») и т. д.

Природа жанров изменчива, так как социально и культурно детерминирована, но православная притча, которая является предметом нашего интереса, достаточно консервативна, поскольку пропагандирует вечные ценности и обобщает черты двухтысячелетней истории Христианского вероучения.

Язык притчи более прост и доходчив, чем обыденный язык либо язык художественной литературы, он освящен Иисусом Христом, что делает человека более отзывчивым на Слово Божье. Поэтому Господь с народом говорит на языке притч: «Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им» (Мф. 13, 34–35). И действительно, треть дошедших слов Господа – притчи. Все, о чем разъясняется в притчах, становится символами спасения, лучом, указывающим путь к Богу. Получается, что притча не только особый жанр, но и особый тип сознания человека, которое сосуществует наряду с логическим, рациональным, и эмоциональным. Основная характеристика библейских притч – их глубинная мудрость и универсальность: в них даются ответы на вечные вопросы. Таким образом, Господь дает нам понять, что язык притчи – это особый язык, богоугодный и действенный.

Разновидностью православной притчи являются притчи православных старцев. Издревле старческое служение было таинством общения духа подвижника и пришедшего к нему за советом человека. Одним из исследователей старчества был И. М. Концевич, который считал, что старцы – это те, чьи молитвы слышит Бог, кому открыта его воля [11: 11, 12, 37, 38]. Старчество на Руси возникает еще в древности, об этом свидетельствует Киево-Печерский патерик, патерики Троице-Сергиевой Лавры, Глинской пустыни и других святых для русского человека мест.

Согласно Православной энциклопедии, начало старчеству на Руси положили преподобные Антоний и Феодосий Печерские на рубеже прошлого тысячелетия. Старцем в XIV в. был преподобный Сергей Радонежский, в XV–XVI вв. – Кирилл Белозерский, Нил Сорский, Зосима и Савватий Соловецкие, Нил Столобенский, в XVIII–XIX вв. – признается прп. Серафим Саровский. С XIX в. понятие «старец» начинает трактоваться более широко: к старцам начинают относить авторитетных священников не из числа монашествующих (св. Иоанн Кронштадтский, св. Алексей Мечев) и даже мирян.

Согласно Православной энциклопедии, к старцам XX в. можно отнести священномученика Сергия Мечева, преподобных

Серафима Вырицкого, Иоанна Валаамского, Алексия Голосеевского, Серафима Глинского (Романцова), Андроника Глинского и др.; архимандритов Иоанна (Крестьянкина), Кирилла (Павлова); протоиерея Николая Гурьянова и других. Отца Илию (Ноздрина) называют единственным из ныне живущих старцев [12].

Старцы – это носители Духа Божия, проводники Его воли, которую Он периодически возвещает людям. Старец – это христианин, который достиг весьма высокой степени духовно-нравственного совершенства [13]. Старцы всегда пользовались огромным уважением на Руси: они считались духовными врачами души.

**Притчи православных старцев:
функциональная специфика
и лингвокультурные аспекты анализа**

Притча православных старцев – это небольшое повествование, ядром которого является религиозное поучение в иносказательной, аллегорической форме. Через малое показано великое: например, в притче о смиренномудрии. В основу ответа аввы Пимена на вопрос брата об избавлении от тяжести в мыслях был положен следующий случай с лодкой: если нет попутного ветра, лодку тащат на себе сами люди, пока Бог не пошлет попутный ветер. Здесь поучение в некоторой степени удаляется от вопроса. Но далее авва говорит, что на ночь судно пристает к берегу, в который вбивают кол, чтобы ветер не унес лодку. В итоге следует религиозно-философское осмысление ситуации: этот кол есть самоуничтожение. Так возникает смиренномудрие, к которому призывает Церковь.

Анализ притч позволяет выявить их основные функции: 1) осмысление этапов жизненного пути через конкретные поступки, позиционирование высоких духовно-нравственных целей: спасения, любви, покаяния, смирения и под.; 2) воздействие на адресата и формирование у него системы православных ценностей: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Мф. 7, 12); 3) формирование моральных устоев и христианских добродетелей [14].

Анализируя притчи православных старцев, нам удалось установить следующие жанрообразующие признаки: 1) духовная сакральность, духовная сила, проповедь христианских добродетелей, проповедь вечных ценностей, важные религиозные и общечеловеческие установки, поведенческие установки, которым нужно следовать; 2) особенности формы: иносказательность, наличие мирского и духовного смыслов. Названные признаки конституируют данный жанр. Покажем это на примере притчи Паисия Святогорца о том, как смире-

ние и молчание побеждают зло. Кот в келье старца Паисия собирался съесть лягушонка, сидевшего без движения и готового к худшему. В итоге кот уходит, отказавшись от своего намерения. «Лягушонок своим молчанием и смирением победил кота», – заключил Паисий. Здесь два смысловых уровня: один поверхностный – поведение кота и лягушонка в келье старца, это уровень мирской реальности; второй – глубинный, которой позволяет увидеть еще один смысл: только смирением и покорностью можно победить зло и заслужить Царствие Небесное. В данной притче есть прямое наставление, на котором основан глубинный смысл, это слова старца: «Лягушонок своим молчанием и смирением победил кота».

Притча функционирует в определенной сфере общественных отношений (религиозных), в притчах православных старцев происходит выделение ценностных доминант христианской культуры, акцентируется внимание на христианских нормах и правилах поведения, порицаются неправославные добродетели. Например, богатство, гордыня и др.

**Лингвокультурологический анализ притч
православных старцев о «словах»: схемы
и шаблоны**

Притчи обладают фонетическими, лексическими, синтаксическими жанровыми маркерами. Для установления этого обратимся к притчам православных старцев о словах.

В Библии многое сказано о важности слов: «Не хлебом единым живет человек, но всяким словом Божиим». Слово – Творец, равный самому Богу: «Вначале было Слово. Слово было у Бога. Слово было Бог» (1, Ин., 1:1). Словом, согласно Библии, происходит творение мира (Евр. 1:3). Слово Божье сотворило небеса (Пс. 32:6; 148: 5–8) и т. д.

В Книге Притчей утверждается, что человек живет в мире слов, он окружен и связан словами: «Ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих» (Притч. 6: 2).

Если для лингвиста сила слова определяется его смыслом и функционированием в контексте, то в богословии Слово обладает особой силой: Словом Бог заставляет море расступиться (Мк. 4:39), Иисус Христос исцеляет больных (Мф. 17:18; Лк. 9:27; 4:35; 39,41), изгоняет бесов (Мф. 8:16). Силу Божественному Слову придает энергия, вместилищем которой является слово. Как считает В. И. Постовалова [15: 6–12], здесь «работают» «сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики».

Даже слово обыденного языка облечено энергией, которая часто действует помимо на-

шего сознания, как утверждает П. П. Гаряев. Энергетическими следами слов, произнесенных разными людьми (не только живущими, но и давно ушедшими), наполнено все энергетическое пространство вокруг нас [16].

Архимандрит Софроний (Сахаров) писал: в Слове «...присутствует Бог, как в некоем сосуде – драгоценной вазе, полной благоухания... Как божественная энергия – оно исходит от Сущности Божества и божественно само по себе» [17: 22]. Отсюда следует, что у слова в религиозном дискурсе, кроме обычной энергии, присущей любому слову, есть еще и энергия духовная.

Рассмотрим притчи о Слове, содержащиеся в сборнике «Притчи православных старцев», с позиции лингвокультурологического анализа, который учитывает, что всякий текст (в том числе притча) имеет коммуникативную природу. Схема такого анализа включает следующие компоненты: адресант, сообщение, контекст культуры, два кода (мирской, поверхностный и духовный, глубинный), адресат.

Лингвокультурный анализ притчи – это объяснение того, как религиозная культура (энергия духа), находящаяся в тексте, дополняет, а иногда и меняет его смыслы. Общение старца и человека вопрошающего происходит через текст, в который вводятся цитаты из Библии, Божии слова. Это нужно для усиления смысловой насыщенности текста, вхождения в общий контекст христианской культуры. Для лингвокультурного анализа жанра притчи представляется рациональным применение определенного шаблона, обусловленного исторически и хранящегося в языковом сознании христианина: композиционно это вопрос верующего и ответ старца, содержащие в себе несколько смысловых слоев: мирской, иносказательный и духовный (глубинный).

Мы полагаем, что христианская культура проникает в текст притчи следующим образом: 1) в притче поднимаются вечные вопросы, важные для всей христианской культуры; 2) притчи входят в современный мир через образы искусства (Блудный сын); 3) в притчах представлены вечные ценности; 4) через притчу до нас доходит воля Божия; 5) иносказательность и наличие шаблонов становятся приемами создания особого мира. За счет названных параметров притча передает гораздо больший объем информации, нежели этот же текст в художественной обработке.

Покажем это на конкретных примерах притч о Словах. Одна из знаковых притч данного цикла – притча аввы Иоанна Колова из Скита Патерик. Это притча о силе слова Божиего. В ответ на жалобы о жестокосердии авва Пимен говорил, что вода мягкая, а ка-

мень твердый, но если над камнем повесить желобок и вода будет стекать по нему, то она пробьет камень. Это мирская ситуация, из которой старец делает вывод: так и слово Божие мягко, а сердце наше грубо. Но если часто слушать такое слово, то страх Божий приходит в сердце – это значение данной притчи. Согласно Библии: «Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения» (1-е Коринф. 14. 10–13). Но есть еще духовный смысл – особая сила Божиего слова, которая объясняется тем, что такое слово несет отблеск Творца, его волю.

Еще одна притча о силе слова из названного Патерика («Безумные слова») принадлежит Николаю Сербскому. Мать сказала страшные слова своему ребенку: «Если бы мои глаза тебя больше не видели, я была бы счастлива». Ребенок был потрясен этим и застрелился, оставив записку: «Будь счастлива». Мать с горя умерла, поняв, что она сделала. Старец заключает: «Вот что делает безумное слово». Здесь возникает нравственно-этическая коллизия, которая позволяет увидеть за мирской историей глубинный духовный смысл.

Словом можно согрешить, а желание каждого христианина – заслужить Царствие Небесное. Предостережением от данного греха служат многие притчи православных старцев. Так, есть притча на тему «не поминай имя Господа своего всуе». Один ювелир постоянно это делал, мимо шел паломник, который решил ему помочь, позвав его трижды и спрятавшись. Ювелир, не найдя зовущего, разозлился, что его отвлекают от работы. Тогда паломник вышел и сказал: «У Бога работы больше, но ты его призываешь чаще». Так обычная житейская ситуация помогает объяснить духовную сущность данного греха. Еще один грех – хула на Бога, сквернословие. Притча: верному рабу надоело, что его хозяин постоянно хулит Бога. Он взял его любимую собачку и стал мазать ее грязью. Когда хозяин возмутился, раб ответил ему: «Я делаю то, что и ты с Господом Богом». Иносказательное сравнение хулы на Бога с грязью делает притчу понятной простому христианину.

Среди притч есть и такие, в которых зафиксировано позитивное влияние слова. Например, притча о солдатах на войне. Один из них говорит испытывающему сильный страх товарищу: «Не бойся, Господь ближе, чем враг». Второй так поверил в эти слова, что вернулся с войны героем. Во фразе, сказанной солдатом, заложен духовный смысл, который нельзя свести к простому логическому объяснению.

Важность притчи для русской лингвокультуры подтверждается наличием значительного количества пословиц и поговорок на эту тему.

Так, в словаре И. М. Снегирева встречаем такие пословицы: *Без притчи век не изживешь; Без притчи и тряса не берет; От притчи и на коне не уйти* и др. [18].

В. И. Постовалова, пытаясь объяснить тайну фиксации в языке народного духа, духовные смыслы, писала: «Сам Гумбольдт считал непостижимой тайной, недоступной для аналитического мышления то, каким образом сливаются в единое целое язык и народный дух и как действуют в языке творческие первоисточники человека и проявляются его глубинные возможности... В решении этих вопросов современная лингвистика, как и лингвистика В. фон Гумбольдта, остается на пороге непостижимого, не дерзая выходить за пределы собственно научного познания» [19: 78]. В притчах задействованы и такие слова, которые широко используются в обыденном общении, поскольку входят в когнитивную базу русского человека: *согрешить словом, суд Божий, спасение* и др. Но в обыденном языке они теряют ассоциативную связь с первоисточником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю. С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга : Эйдос, 2010. 168 с.
2. Постовалова В. И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты. М. : Издание Братства святителя Алексия, 2022. 1048 с. EDN: KVJYMP
3. Верецагин Е. М. Русский язык и российское православие: общефилологическая проблематика : доклад на XI Конгрессе МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире» (Варна, 17–22 сент. 2007 г.). М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007. 77 с.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русское слово, 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960-х гг. С. 159–206. EDN: XNAISR
5. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров : обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. Вып. 1. С. 109–121. EDN: YTPINY
6. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс : ценности и жанры // Знание // Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167. EDN: PDCZHN
7. Базылев В. Н. Притча : переосмысление жанра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 222–228. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-222-228>, EDN: GXORID
8. Балашова Е. Ю. Речезанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 55–59. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59>, EDN: YVJHQL
9. Берестовская Л. Е. Библиейские притчи в контексте религиозной когнитологии // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 60–63.

Заключение

Анализ притчи – это объединение религиозных, философских, культурологических и филологических знаний. В них сливаются воедино значения и смыслы обыденного языка с силой и энергией Духа. Все бытия и объяснения, ответы на вопросы в притчах указывают путь к спасению человека. В православии считается, что язык притч освящен самим Иисусом Христом, что делает человека более восприимчивым к духовным смыслам, а потому способствует формированию у него особого типа сознания – Вселенского сознания, которое существует параллельно с логическим, рациональным, и эмоциональным сознанием. Именно с помощью простых по форме и содержанию притч происходит гармонизация духовного мира христианина по матрицам вселенского разума, т. е. ноосферы (в понимании Т. Де Шардена и В. И. Вернадского). В притчах православных старцев дан целостный образ мира, он строится на иносказании, сквозь которое проступает глубинный смысл.

10. Владимирова Т. Е. Русская языковая личность и православный дискурс // Христианство и наука : XV Международные Рождественские образовательные чтения : сб. докл. конф. М. : РУДН, 2008. С. 286–315.
11. Концевич И. М. Оптина Пустынь и её время. Нью-Йорк : Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США), 1970. 688 с.
12. Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 18. 752 с.
13. Ильюнина Л. Кто такие старцы? // Азбука веры : портал. URL: <https://azbyka.ru/kto-takie-starcy> (дата обращения: 19.12.2024).
14. Притчи православных старцев / сост. Е. В. Тростникова. М. ; Воронеж : Издательство Борисова, 2012. 232 с.
15. Постовалова В. И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Хрестоматии теолингвистики / под ред. А. К. Гадомского, К. Кончаревич. Београд : Универзитет у Београду, 2011. С. 6–12.
16. Гаряев П. П. Энциклопедия русской мысли. Т. 5 : Волновой геном. М. : Общественная польза, 1994. 279 с.
17. Софроний (Сахаров), архим. О молитве : сборник статей. Париж : YMCA-Press, 1991. 207 с.
18. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 528 с.
19. Постовалова В. И. Язык и миропостижение : философия языка В. фон Гумбольдта и когнитивная лингвистика // С любовью к языку : сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. М. : Институт языкознания РАН ; Воронеж : ВГУ, 2002. С. 72–89.

REFERENCES

1. Stepanov Yu. S. *Myslyashchij trostnik. Kniga o "Voobrazhaemoy slovesnosti"* [The thinking reed. A book about "Imaginary literature"]. Kaluga, Eidos, 2010. 168 p. (in Russian).
2. Postovalova V. I. *Teolingvistika. Istoki. Osnovaniya. Kontsepty* [Theolinguistics. The origins. Grounds. Concepts]. Moscow, Izdanie Bratstva svyatitelya Aleksiya, 2022. 1048 p. (in Russian).
3. Vereshchagin E. M. *Russkii yazyk i rossiiskoe pravoslavie: obshchepilologicheskaya problematika : doklad na XI Kongresse MAPRYaL "Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire" (Varna, 17–22 sentyabrya 2007 g.)* [The Russian language and Russian Orthodoxy: General Philological issues: Report at the XI Congress of IATRLL "The World of the Russian Word and the in the World" (Varna, September 17–22, 2007)]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS Publ., 2007. 77 p. (in Russian).
4. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: *Bakhtin M. M. Coll. works: in 7 vols. Vol. 5: Works 1940–1960*. Moscow, Russkoe slovo, 1996, pp. 159–206 (in Russian). EDN: XNAISR
5. Demytyev V. V. The study of speech genres. A survey of works in contemporary Russian studies. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1997, no. 1, pp. 109–121 (in Russian). EDN: YTPINY
6. Bobyreva E. V. Religious discourse: Values and genres. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2008, no. 1, pp. 162–167 (in Russian). EDN: PDCZHH
7. Bazylev V. N. The Parable: Rethinking the genre. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 222–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-222-228>, EDN: GXORID
8. Balashova E. Yu. A genre analysis of the Gospel parable based on Orthodox and Protestant sources. *Speech Genres* 2018, no. 1 (17), pp. 55–59 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59>, EDN: YVJHQL
9. Berestovskaya L. E. Biblical parables in the context of religious cognition. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2000, no. 2, pp. 60–63 (in Russian).
10. Vladimirova T. E. The Russian linguistic personality and Orthodox Discourse. *Hristianstvo i nauka: XV Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya : sb. dokl. konf.* [Christianity and Science: 15th International Christmas Educational Readings: Coll. of sci. arts]. Moscow, RUDN University Publ., 2008, pp. 286–315 (in Russian).
11. Kontsevich I. M. *Optina Pustyn' i eyo vremya* [Optina Pustyn and her time]. New York, Holy Trinity Monastery in Jordanville, New York USA Publ., 1970, 688 p. (in Russian).
12. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church-Scientific Center "The Orthodox Encyclopedia", 2008. Vol. 18. 754 p. (in Russian).
13. Il'yunina L. *Who are the elders?* Available at: <https://azbyka.ru/kto-takie-starcy> (accessed December 19, 2024) (in Russian).
14. *Pritchi pravoslavnykh startsev. Sost. E. V. Trostnikova* [E. V. Trostnikova, comp. Parables of the Orthodox Elders]. Moscow, Voronezh, Izdatel'stvo Borisova, 2012. 232 p. (in Russian).
15. Postovalova V. I. Religious concepts in linguistic representation. In: *Khrestomatii teolingvistiki. Pod red. A. K. Gadomskogo, K. Koncharevich* [Gadomsky A. K., Koncharevich K., eds. Antilogies of theolinguistics]. Beograd, Unuversity of Beograd Publ., 2011, pp. 6–12 (in Russian).
16. Garyaev P. P. *Entsiklopediya russkoj mysli. T. 5 : Volnovoi genom* [Encyclopedia of Russian Thought. Vol. 5: Wave Genome]. Moscow, Obshchestvennaya pol'za, 1994. 279 p. (in Russian).
17. Sofronij (Saharov), arhim. *O molitve: Sbornik statej* [About prayer: Collection of articles]. Paris, YMCA-Press, 1991. 207 p. (in Russian).
18. Snegirev I. M. *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2014. 528 p. (in Russian).
19. Postovalova V. I. Language and World Perception: W. von Humboldt's Philosophy of Language and cognitive Linguistics. In: *S lyubov'yu k yazyku: sb. nauch. trudov. Posvyashchaetsya E. S. Kubryakovoi* [With love for language: Coll. of sci. papers. Dedicated to E. S. Kubryakova]. Moscow, Institute of Linguistics of the RAS, Voronezh, Voronezh University Publ., 2002, pp. 72–89 (in Russian).

Поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 28.01.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 28.01.2025; published 01.06.2026